

и лишь пытаемся от того закрыться бездейственными одеждами пышности. Но на пути к радости надо разорвать цепи рабства, и свобода ее обретается в Боге. В Нем можно забытья от мира со скорбию его, от самого его существования, услышав зов Христов: «Не бойтесь, это — Я!» И нужно оглохнуть и ослепнуть для мира, чтобы хотя на краткое мгновение освободиться от него, став как бы вне его, погрузиться в бытие Божественное. Такова и природа радости пасхальной. Тогда будет и ныне наша пасхальная радость победной и ослепительной, как во времена былые, как во времена первохристианские, когда исторгалась молитва: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр 22: 20) Но этого надо восхотеть, — всей силой, которою «Царствие Божие нудится, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф 11: 12).

Грешно и малодушно думать нам, что мы обделены или оставлены Богом. Он не знает лицепрятия. Но мы избраны и призваны к радости пасхальной не тем, что богаты и взысканы милостию Божией, но тем что бедны и умалены, жалки и несчастны. Сила нашей радости — не в благополучии, но в неблагополучии; она есть независимая по истине и свободная, как радость подвига, пасха на крови, рядом с Голгофой, выстраданная победа веры нашей. Пусть она, кратко сверкнув в нас, и скоро угаснет, но тем ярче и радостней будет явление Воскресшего.

Чем темнее ночь, в которой Христос воскресает, тем ярче Его сияние вечное.

Христос да воскресает!

1942 г.

6.3.6. С нами Бог¹

1943 г.

И сказал им ангел: я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям. Ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, который есть Христос Господь.

(Лк 2: 10–11)

Великая радость эта, всех радостей радость, есть пришествие в мир спешшего с небес Господа, — с нами Бог вочеловечивыйся! Ей подобною является лишь пришествие в мир «Другого Утешителя»², Христом посланного от Отца вместо Себя, в день

Пятидесятницы. В праздновании Рождества Христова сердце человеческое призывается вмещать эту божественную радость, до нее расширяться. И она не знает для себя предела иного, кроме как в нашей немощи, она имеет возрастать от меры в меру во веки веков, в жизни настоящей и будущей. В нашей земной доле мы, как бы покоряясь, отдаемся ей в своем ликование, но вместе с тем призываемся и к подвигу радости как подвигу веры. Так было уже и с пастырями вифлеемскими, которые возвещены были от ангела о Рождестве Христовом. Их «осияла слава Господня», и «они убоялись страхом велим» (Лк 2: 9). И они не сразу вошли в данную им радость. Но, лишь пойдя в Вифлеем, они возвратились, «слава и хвала Бога» (Лк 2: 20). Ибо то радость была не земная, но божественная, не чувственная, но духовная. К ней нужно было восходить, в смирении и трепете сердечном постигая совершившееся. Так же и волхвы³, в мудрости сердца чаявшие издавна пришествия Господа и Его познавшие в явлении звезды, отправились в далекий путь, преодолевая трудность и неизвестность его, ведомые таинственной звездой. И только увидевши остановившуюся над Младенцем звезду, они «возрадовались радостью весьма великою» (Мф 2: 10). Так совершился в подвиге веры подвиг радости их.

И для сердечной простоты пастухов, и для мудрости волхвов одинаково оказался нужным подвиг радости и его труд. Напрасно нам кажется на расстоянии времен, что тогда эта радость пришествия Господа в мир, божественное о нем веселие, благодаря этим знамениям святой ночи, была доступнее, нежели нам теперь, лишенным этих знамений. Однако и тогда они были сокровенны и доступны лишь подвигу веры. И тогда, кроме явления ангелов пастухам и вифлеемской звезды волхвам, в мире ничто не говорило о совершившемся. «Знаком» пришествия в мир Христа, обещанным ангелом, для пастухов явилось то, что они решили пойти в Вифлеем посмотреть, что там случилось, а пришедши, нашли Марию и Иосифа и Младенца, лежащего в яслях (Лк 2: 16), — Царя Иудейского, не в славе, но в нищете и убожестве. И когда пред лицом этого смирения они поведали, что было возвещено им ангелами о Младенце сем, то рассказ их явился дивным и как бы новым для услышавших: они «дивились» ему. Даже о Марии самой сказано евангелистом (Лк 2: 19), что она «сохраняла все слова сии, слагая в сердце своем», а она ранее того уже слышала обетование о том же рождении из уст Гавриила, архангела Благовещения. Не чрез небесные громы, но в шепоте пещерном было возвещено пришествие в мир Богочеловека. За пределами же пещеры вифлеемской никто ничего не знал. Мир тогда не заметил пришествия

Господа в рассеянии, нечувствии, духовном окаменении своем. И только сатанинская злоба князя мира сего подвигла послушное свое орудие, Ирода, выведать от волхвов о рождении Царя Иудейского, ища погубить Его. Посему воцарение «Царя Иудейского» началось бегством в Египет вместе с Матерью Его. Рождество Христа, в небесах прославляемое пением ангелов, на земле было встречено убиением младенцев вифлеемских. Далее же Младенец вместе с Матерью надолго сокрывается в безвестности, до времени открытого своего служения, закончившегося распятием на кресте «Царя Иудейского». Является поэтому истинным чудом духовным, более потрясающим, чем земные чудеса, само это священное молчание, облекшее покровом неведения и тайны пришествие Христа в мир, но оно же явилось и наиболее действенной проповедью о Нем.

А ныне рождественская ночь встречается миром не в священной тишине, но в громах землетрясения, в сгущении ужасов взаимного истребления человеческого. Мир не слышит небесного пения ангелов, не ищет поклониться Младенцу в вертепе, не хочет или не в силах приметить пришествие Его. Оно как будто стало не нужно миру, который собственными силами умеет лишь обратиться во ад. Такова страшная действительность, от которой стынет сердце в зимнюю ночь мира, как бы безрассветную. Однако если всегда и во все времена можно и нужно говорить о подвиге радости как подвиге веры, теперь это получает особую силу, когда тьма, сгущающаяся над миром, хочет угасить вифлеемскую звезду и от исступления человеческой вражды снова распинается Христос. И ныне можно и должно проповедовать и исповедовать радость Богоявления и радоваться ей под грозы войны, о которых предвозвещено Христом: «Услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь» (Мф 24: 6). Празднование Рождества Христова должно являться ныне духовной победой веры *вопреки* земной очевидности.

Вместе с земной бранью и в небесах происходит брань духовная, а в мире незримо совершается собирание и напряжение сил духовных, пока еще и не получающее осязательного для себя проявления. Земные державы ищут для себя своих земных вождей, мы же, Христовы, собираемся около Царя царствующих, Царя небесного. Ответом нашим на знаки и печати «зверя и лжепророка», о которых нас предвзрает *Откровение*, да будет знамение креста Христова: сим победиши, с нами Бог.

С нами Бог, сошедший с небес в мир нас ради человек и воочеловечившийся нашего ради спасения. От рождества своего Он с нами и в нас пребывает Духом Святым, по неложному своему обе-

тованию: «Се Аз с вами во вся дни до скончания века» (Мф 28: 20). Наша неразлучность со Христом переживается и подтверждается в светлый праздник Рождества Христова, когда Церковь поет: «Христос рождается, славите!» И мы должны входить в его силу. Рождество Христово есть не только величайшее в единственности своей событие в жизни мира, но и навсегда продолжающееся пришествие в него Христа. Когда Он жил среди нас и на этой земле ступали Его пречистые ноги, а Его лик зрели человеческие очи, то была радость и откровение от земного Его присутствия. Однако, пришло время с Ним разлучения в крестной смерти Его. Хотя после Его воскресения Господь снова еще являлся ученикам, после сорока дней Он вознесся на небо, Он оставил мир сей.

Но Господь, оставляя мир, ублажал учеников своих, а с ними и всех нас, своим обетованием: «Не оставлю вас сирыми, приду к вам» (Ин 14: 18), «приду опять и возьму вас к себе» (Ин 14: 3). Также и ангелы на горе Вознесения сказали апостолам: «Что вы стоите и смотрите на небо! Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо» (Деян 1: 11). И ученики приняли это обетование, они согласились жить в этом ожидании. После вознесения они «возвратились в Иерусалим с горы» (Деян 1: 11), и для них началась иная жизнь, хотя духовно и со Христом и во Христе чрез пришествие посланного Им «Другого Утешителя», но уже лишенная земного Его пребывания. Об этом отшествии Христа из мира и ныне вопрошает любовь наша, в праздник первого Его пришествия в мир, помышляя о Его возвращении. Перестали ли святые апостолы, и мы вместе с ними, «смотреть на небо» в священном ожидании и молитвенном вопрошании. Забыли ли они, и мы вместе с ними, обетование ангелов, возвещавших не только первое пришествие Христово в Рождестве Его, но и Его грядущее в мир возвращение? Нет, не перестали и не забыли, не можем и не хотим забыть. Но проходит век за веком, и люди все более разучаются «смотреть на небо», ожидая Господа. Они не разлучены с Ним, ибо Он никогда не оставляет Церковь духовным, таинственным своим пребыванием. А то радостное и настойчивое желание встретить Христа, в мир паки грядущего, которое воодушевляло первых христиан, постепенно сменялось благоговейным страхом Страшного Суда Христова во втором пришествии Его, этим спасительным чувством для погрязающего в бездне грехов человечества. Однако остается запечатленным еще и иное обетование. И в сию священную и спасительную ночь Рождества Христова, Его первого пришествия в мир, которого Он не возгнушался в любви своей, да не молчит в нас сия дерзновенная радость о самом пришествии Господа

в мир, первом, но не последнем. И, утопая в грехах, не перестанем чаять этого нового Его пришествия.. как беспредельной и ничем не выразимой радости новой Его встречи. Знаем, что тогда «восплачутся все племена земные», во страхе и трепете перед страшным судищем Христовым. Но не говорит ли нам еще и другого апостол любви, Иоанн Богослов: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх; боящийся не совершен в любви» (1 Ин 4: 18). И в ночь Рождества Христова, когда ангелы в небе возвещают мир на земле и благоволение Божие к человеку, эта радость о пришествии Господа в мир робко и дерзновенно да срасторится со смиренно любящим шепотом души, ее немолчным призыванием: «Ей, паки гряди! Не оставь нас сиротами, прииди к нам, явно и таинственно, в приближениях и явлениях своих, и в последнем в мир возвращении».

Нам ли, окаянным, и теперь ли, в дни антихристово буйства в мире взывать и помышлять о сем? Однако должны ли и смеем ли мы угасить в себе эту тоску души-невесты о Возлюбленном? Не есть ли она самая жизнь наша? Не ради достоинства человеческого пришел Господь в мир, но чтобы спасти овча погибшее, которое Он удостоил своего образа. И в обетованиях своих Он предвещает, что новое Его пришествие совершится в последние страшные времена. Но и в темноте мы не слепнем, но с тем большей силою жаждем света. И не от греховной немощи, но от верности любви своей Его взыскуем, в простоте души пастырей, в созерцании волхвов, в пророческом глазе событий, новом откровении жизни, ими рожденном. Таков да будет ответ наш пред лицом потопа и землетрясения: не испуг, не отчаяние, не утрата веры, но последнее упование.

Чем темнее и страшнее становится в мире, тем ближе Бог, Его свет невечерний. Когда не видятся пути земного спасения, тогда говорит небо, и оттуда оно приходит... Посему торжество Рождества Христова для нас сливается с радостью пасхальной Его воскресения, и славословие ангелов — с их же обетованием о грядущем пришествии Христовом, в мир Его возвращении.

Христос рождается, славите!
Христос с небес, срящите!
Ей, гряди, Господи Иисусе!
Аминь.